

ЗНАМЯ

Великий князь К.К. Романов

Летом 2006 года В. Кочетков доставил в Ульяновск из США книгу «Честь» Георгия Ишевского, рассказывающую в форме мемуарных очерков о жизни симбирян первых десятилетий XX века. Сам автор покоится на Сербском кладбище в Сан-Франциско. О нем узнать почти ничего не удалось. В этом номере журнала мы решили опубликовать главу из книги, касающуюся Симбирского кадетского корпуса.

В среду 9-го декабря, на утреннем осмотре кадетам всех рот объявили, что сегодня будет только два первых урока, вместо третьего урока кадеты должны переодеться в парадную форму, после чего в портретном зале строевой роты состоится молебен, прибавка и освящение знамени. Ток повышенной нервности пронизал сердца кадет. Даже маленькие инстинктом чувствовали, что к их маленькой жизни вплотную подошел момент огромной важности, как-то сразу стали ясными и понятными слова законоучителей о том, что «знамя» – есть родительское благословение корпусу на всю его жизнь. Притихли дети, остепенились шалуны. В зависимости от возраста каждый по-своему, в своих мыслях готовился принять это родительское благословение.

Больше и заметнее нервничали кадеты старших классов. Лихорадочным блеском горели глаза в ожидании Монаршей милости. Каждый сознавал, что наступает момент, когда их осенит образ Божий, осенит знамя, и мысленная клятва – «следо-

вать за ним пока жив будешь» – переполняла их учащенно kloкочущие сердца. Больше других нервничал вице-фельдфебель Авенир Ефимов и знаменщик Георгий Ломанов. Перво-му надлежало поддерживать древко знамени во время прибавки, второму принять знамя от Ефимова, с достоинством пронести его по фронту трех рот и перед фронтом строевой роты церемониальным маршем пройти перед Августейшим Начальником, Великим Князем Константином Константиновичем.

Двенадцать часов дня... Портретный зал украшен флагами и вензелями... Перед бюстом Александра 2-го блестящими сверкает аналой, одетый в серебряную парчу. Справа стол, покрытый зеленым сукном, с которого свисает бело-синее с золотым шитьем знамя, слегка прибитое к древку серебряными гвоздиками. За столом вице-фельдфебель Ефимов – бледный, серьезный, сосредоточенный. Духовенство в белом пасхальном облачении... В правом углу зала преподаватели в форменных сюртуках, семья воспитателей, начальствующие

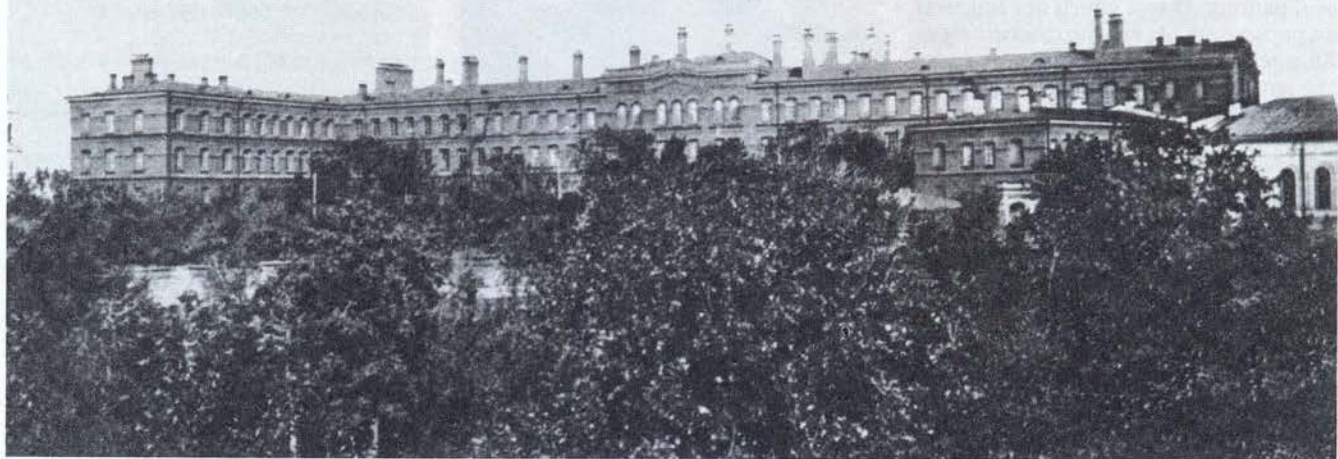
лица Симбирского гарнизона.

Послышался легкий шум, и на лестнице показались первые ряды 3-ей роты. Может быть не совсем умело, но старательно шли малыши, с иголочки одетые в парадную форму. Новый шум, и в зал легким, эластичным шагом вошла 2-ая рота. Несложным, но четким перестроением она заняла свое место.

– На плечо!.. Шагом марш! – доносится громовой голос полковника Максимович, и через несколько секунд из ротного зала в портретный входит краса и гордость корпуса – строевая рота.

– Рота стой!..

Три четких приема и мертвая тишина... Как будто не люди, а статуи, статуи больших мастеров, сумевших создать благородство линий тела, гордость в посадке головы и ясность взора, как в зеркале отражающего черты будущего воина с безгранично развитым чувством долга. Полковник Максимович, блестящий строевой офицер, в парадном мундире, увешанный орденами и медалями спокойно обходит фронт роты, еже-

минутно повторяя: – «Полное внимание»... «Полное спокойствие»... и «Все будет хорошо»...

– Смирррно!..Слушай на караул!..

Оркестр заиграл встречу. Полковник Максимович, обнажив шашку и, взяв ее под высь, подошел с рапортом к Великому Князю.

– Здравствуйте, Симбирцы!

– Здравия желаем, Ваше Императорское Высочество!

Великий Князь в сопровождении директора корпуса и личной свиты спокойно обходит фронт трех рот, и теплота его глаз смотрит прямо в души взволнованных небывалым событием кадет.

– На молитву шапки долой!

Начался молебен... Проникновенно служил отец Михаил, бархатными раскатами гремел голос отца дьякона, старательно пел хор кадет под управлением Пузырева. Окончилось окропление знамени, и громкие раскаты многолетия огласили огромный зал...

– «Накройсь»...

После краткого слова Великого Князя, высказавшего уверенность Императора в том, что симбирские кадеты, разлетевшись по полкам доблестной русской армии, в ратных подвигах покроют себя неуязвимой славой воинской доблести и чести, началась торжественная церемония прибавки знамени. Гробовую тишину прорезали три удара молоточка... Великий Князь прибил первый гвоздик... За ним последовал директор корпуса, командиры рот, воспитатели, два первых класса строевой роты. Четко, по одиночке, подходили к знамени бледные взволнованные кадеты и тремя ударами молоточка как бы закрепляли на вечность клятву хранить свое знамя, клятву носить в своих сердцах родительское благословение Императора.

– Под знамя слушай, на караул!..

В воздухе блеснули клинки шашек... Ломанов бледный, спокойным размеренным шагом подошел к столу, принял из рук вице-фельдфебеля Ефимова знамя и отошел на середину зала. С двух сторон с шашками под высь, подошли ассистенты. Оркестр заиграл, роты кадет запели гимн.

Из маленького приволжского города несся в столицу мощный поток беспредельной преданности Государственному хозяину земли русской.

– К церемониальному маршу!

Справа по отделениям! – прогремел командующий парадом полковник Максимович. Оркестр заиграл величественный Преображенский марш. Малыши развернутым фронтом, по отделениям старательно проходили

перед родным знаменем и Великим Князем.

– Хорошо, третья рота! – выкрикнул Великий Князь, и глаза его светились радостью.

– Отлично, вторая рота!!!

– Рады стараться, Ваше Императорское Высочество!!!

– Великолепно, строевая!!!

– Рады стараться, Ваше Императорское Высочество!!!

Через полчаса в столовой корпуса состоялся парадный завтрак для кадет, приглашенных в администрацию корпуса. Великий Князь недолго задержался за богато сервированным столом для гостей. Он чувствовал на себе сотни ожидающих его ласки юношеских глаз, и скоро его высокая фигура заколыхалась между столов кадет. Великий Князь простался с симбирцами. Завтра в 11.30 он покидал Симбирск. День был объявлен праздничным, но не отпусковым.

Как будто нарочно для отъезда Великого Князя день выдался солнечный и морозный. Огромный пассажирский паровоз тяжело дышал паром. Классные вагоны курьерского блеском начищенных стекол улыбались солнцу. В хвосте поезда два салона-вагона для Великого Князя и его свиты. На перроне начальствующие лица, администрация корпуса, почетный караул – кадеты 7-го класса – в парадной форме при винтовках, в белых замшевых перчатках. Справа медью начищенных труб блещет оркестр. Настроение у кадет печально приподнятое. Подходит минута неизбежного расставания с любимым начальником, чутко понимающим душу кадет, безгранично заботливым и ласковым. Вдали заколыхалась высокая сухошавая фигура Великого Князя. Для многих, если не для всех, прогремела последняя прощальная команда: – Смирно! Слушай на караул!

Великий Князь широким шагом обошел фронт почетного караула. Печалью расставания искрились его добрые глаза. Нетерпеливый свисток паровоза... последний свисток главного... Тяжелые колеса заскрежетали по рельсам... Великий Князь на площадке вагона...

– Прощайте, родные Симбирцы!!!

– Ура... Ура... Ура...

– Распустить их на два дня, – слышатся последние слова Великого Князя.

Великокняжеский подарок искрой радости облетел все три роты, и так как он был дарован в четверг, – четыре дня праздновали симбирцы свое знамя, четыре дня праздновали доброту Великого Князя.

